

Глава 19. Повеса и бедный книжник

— Ты долго ещё будешь пялиться?!

Вспыхнув от негодования, молодой книжник в упор смотрел на своего обидчика. Быть объектом столь бесцеремонного взгляда для него было невыносимо. Окрик заставил Чэн Яня прийти в себя; он осознал, что его поведение перешло границы приличия.

Чу Цзыгуань, чьё лицо залила краска стыда и ярости, поджал губы и процедил сквозь зубы:

— Чэн Чанцин, отдай сейчас же!

Чанцин — так звучало второе имя Чэн Яня. Наставники в академии, даруя его юноше при поступлении, опирались на значение имени «Янь» — буйное цветение, переходящее в «Чанцин» — вечную зелень. Сам же Чэн Янь подозревал, что в это имя вложили иной, желчный смысл: мол, сорняки да пакостники живут дольше всех на свете.

Среди сверстников было принято обращаться друг к другу именно по вторым именам, поэтому Чэн Янь не сразу сообразил, что зовут именно его. Очнувшись от раздумий, он на время отбросил странные подозрения.

«Сходство глаз может быть простой случайностью»

Присмотревшись, он увидел, что черты лица и сама аура этого юноши разительно отличались от того, кого он знал прежде. Чэн Янь боялся даже на миг допустить мысль о родстве их душ — ведь чем сильнее надежда, тем болезненнее разочарование.

Чу Цзыгуань продолжал сверлить его взглядом. Видя, что сокурсник то замирает, уставившись на него, то рассеянно изучает стену, он окончательно перестал понимать, что происходит. Этот повеса проучился в академии чуть больше месяца и заслужил столь дурную славу, что книжник старался держаться от него подальше. О его характере он не знал ровным счётом ничего.

Впрочем, Чэн Янь быстро взял себя в руки. На его лицо вернулась привычная маска небрежности и нагловатой весёлости. Помахивая в воздухе выхваченным листком, он усмехнулся:

— Сначала прочту, а потом верну.

— Ты!.. — юноша окончательно вышел из себя. Забыв о благородной сдержанности, он вскочил и потянулся через стол, пытаясь отобрать письмо.

Чэн Янь ловко вскинул руку вверх, уводя добычу из-под самого носа собеседника, и расхохотался. В этот миг он был как две капли воды похож на беспутного волокиту, донимающего порядочную девицу. Чу Цзыгуань, по натуре человек холодный и строгий, от подобной наглости задрожал всем телом.

Чэн Янь скользнул взглядом по строчкам и разочарованно хмыкнул:

— Всего лишь письмо домой? Какая скука. Чего ты так разволновался? Держи своё сокровище.

С этими словами он бесцеремонно всунул бумагу книжнику прямо в руки. Тот, покрасневшись от гнева, выдохнул:

— Брать без спроса — всё равно что воровать!

Чэн Янь вскинул бровь:

— Так я ведь спросил! Ты сам не пожелал рассказывать, вот и пришлось просвещаться самому.

Он опёрся руками о стол и подался вперёд, сокращая дистанцию. Чу Цзыгуань, заметив его растерзанный ворот и неряшливый вид, с брезгливостью отшатнулся.

Чэн Янь рассмеялся:

— Ты что, боишься меня?

Юноша нахмурился и брезгливо помахал ладонью перед носом:

— От тебя несёт за версту!

Чэн Янь осекся.

На столе оставались и другие бумаги, которые Чу Цзыгуань не успел припрятать. Пользуясь тем, что внимание сокурсника притупилось, Чэн Янь мгновенно выхватил ещё несколько листков. На этот раз он не паясничал, а быстро пробежал глазами по тексту.

— погоди, — он поднял голову, — это ведь не твои письма родным? Почему тут в подписях то «Дачжуан», то «Эрню»?

Чу Цзыгуань не проронил ни слова. Он вырвал бумаги, аккуратно сложил их в свою корзину и уже собрался уходить, но Чэн Янь крепко схватил его за локоть. Встретив полный ненависти взгляд, он невольно ослабил хватку — когда эти глаза смотрели на него так яростно, Чэн Яню

становилось не по себе.

Потерев переносицу, он негромко произнёс:

— Всё ясно. Ты подрабатываешь тем, что пишешь письма за других, верно?

Книжник не стал отпираться:

— И что с того?

Разве его бедность не была очевидна каждому? Юноша действительно жил в нужде. Мать-вдова из последних сил тянула его, и денег на учёбу в семье просто не было. Ему приходилось переписывать книги и составлять послания для неграмотных, чтобы хоть как-то сводить концы с концами.

Чэн Янь усмехнулся:

— Слушай, Чу Цзыгуань. Раз тебе так нужны деньги, давай ты будешь делать за меня уроки? Я хорошо заплачу.

— Чэн Янь! Если ещё хоть раз посмеешь нести подобную чушь, вылетишь из академии вон!

Не успел собеседник ответить, как из коридора донёлся яростный старческий рык. Чэн Янь обернулся и увидел седого как лунь наставника, который стремительно вбежал в класс и ткнул пальцем ему прямо в лоб. Поскольку Чэн Янь был довольно высок, старику пришлось для этого подняться на цыпочки.

— Учитель Даоцин, — почтительно склонился юноша.

Это был наставник их класса, человек суровый и принципиальный. К таким ученикам, как Чэн Янь, пролезшим в академию лишь благодаря толстому кошельку отца, он питал глубочайшее отвращение. Перед лицом почтенного старца, в чьих руках была судьба любого студента, Чэн Янь не решился дерзить.

— Я просто пошутил! — поспешно оправдался он.

— Чтобы я больше не слышал подобных шуток! И посмотри на себя: войти в храм знаний в таком непотребном виде! Это позор для всей академии! А ну, брысь отсюда, приведи себя в порядок!

Закончив отчитывать нечестивца, учитель Даоцин повернулся к книжнику, и гнев на его лице

мгновенно сменился отеческой нежностью.

— Чу Ван, сегодня в академии тихо. Пойдём со мной в книгохранилище, я позволю тебе выбрать две книги для домашнего чтения.

Глаза Чу Вана засияли благодарностью:

— Благодарю вас, учитель Даоцин, за такую милость!

Наставник не скрывал своего восхищения талантом ученика:

— Чу Ван, пока ты достигаешь успехов в учёбе, твои успехи — лучшая награда для старика.

Пока старик и его любимец вели беседу, Чэн Янь стоял как громом поражённый. Спустя мгновение он недоуменно воскликнул:

— Чу Цзыгуань... то есть, тебя зовут Чу Ван? Твоё имя — Чу Ван?!

Юноша недовольно нахмурился. Учитель Даоцин же окончательно вышел из себя:

— Чэн Янь! Ты проучился с Чу Ваном бок о бок целый месяц! Он — лучший ученик класса, а ты даже не сподобился узнать его имя! На этой неделе его сочинение передавали из рук в руки — ты что, его даже не открывал?!

— Да нет же... я просто всегда думал, что его зовут Чу Цзыгуань! — голос Чэн Яня дрогнул, он едва сдерживал волнение.

Чу Ван не понимал, что так поразило этого бездельника.

— Цзыгуань — моё второе имя, — холодно пояснил он. — «Гуань» и «Ван» — синонимы, разве это странно?

— Нет... ничего... совсем не странно... — пробормотал Чэн Янь, всё ещё пребывая в оцепенении.

Учитель Даоцин, не желая тратить на него время, обратился к Чу Вану:

— Собирайся, нам пора.

Когда класс опустел, юноша в каком-то исступлении запустил пальцы в волосы, окончательно

растрепав и без того небрежный узел. Не обращая на это внимания, он вышел на крыльцо и, не заботясь о чистоте дорогого одеяния, опустился прямо на каменные ступени. Его брови сошлись на переносице.

«Не может быть... Слишком много совпадений...»

Первой мыслью было, что Бэньюань решил над ним подшутить. Но Бэньюань, хоть и обладал разумом, никогда не делал ничего бесполезного, его логика всегда была прямой и прагматичной. Чэн Янь не видел смысла в подобных играх.

Но если это не шутка, то что? Тот же человек, то же имя, те же глаза... Вероятность такого случайного совпадения была ничтожно мала. Чэн Янь просто не мог в это поверить. Оставался лишь один вариант, самый невероятный, но и самый логичный: этот Чу Ван из мира уезда Битань неразрывно связан с тем Чу Ваном, которого он знал прежде.

Прижав ладонь к груди, Чэн Янь мысленным усилием выманил сияющую сферу. Она была надёжно укрыта мерцающей оболочкой, словно драгоценный плод в скорлупе. Мужчина держал её на ладони, но не мог коснуться самого света. Он и не смел этого делать.

Переносить душу Чу Вана в новый мир было огромным риском. Чэн Янь прятал её в самом сердце, окутывая собственной хуньли.

— Ван-Ван... расскажи мне, что происходит? — прошептал он, зная, что безмолвный свет не ответит.

Если связь действительно существовала, то этот юноша был либо перерождением, либо другой частью того же «Чу Вана». Душа в руках Чэн Яня была неполной, и, возможно, её недостающая часть принадлежала нынешнему книжнику. В таком случае душа в груди Чэн Яня неизменно откликнулась бы на присутствие своей второй половины.

Как бы то ни было, теперь он был полон решимости спасти этого юношу. Мысль о том, что на кону стоит не только миссия, но и сам Чу Ван, не давала ему усидеть на месте.

Стоп! Кажется, он что-то упустил!

Чэн Янь вскочил, возвращая сферу обратно в грудь. Свет послушно скользнул сквозь плоть и затаился в сердце. Вспомнив расположение академии Битань, он во весь дух помчался к книгохранилищу.

Он вернулся в академию именно для того, чтобы помешать Чу Вану войти в библиотеку!

Книгохранилище академии Битань славилось богатейшим собранием во всём округе. Обычно ученикам был доступен лишь первый этаж, верхние же ярусы были всегда заперты, и войти

туда можно было лишь по особому разрешению. Учитель Даоцин решил воспользоваться выходным и, поручившись своим именем, провести Чу Вана на второй этаж, чтобы тот мог прикоснуться к древним фолиантам.

Однако через несколько дней в библиотеке произойдёт кража. И поскольку Чу Ван посещал книгохранилище без официального письма-допуска, клеймо вора падёт именно на него. Сюжет, который видел Чэн Янь, вращался вокруг цели, и он не знал, кто был настоящим преступником. Он знал лишь одно: этот поход в библиотеку станет началом конца для Чу Вана. И он должен был это предотвратить.

Его подопечные всегда были трагическими фигурами, но в этом мире судьба была особенно жестока. Раньше Чэн Янь мог наблюдать за происходящим со стороны, словно зритель в театре, но теперь, когда речь зашла о Чу Ване, спокойствие покинуло его.

Тело этого повесы было на редкость слабым. Когда Чэн Янь наконец добежал до книгохранилища, его ноги едва не подкашивались, а лёгкие горели. Увидев распахнутые двери, он похолодел. Собрав остатки сил, он рванулся внутрь.

Несмотря на ясный день, внутри царил полумрак, а воздух был пропитан запахом старой бумаги. Прежний хозяин тела никогда не заглядывал сюда, поэтому Чэн Янь метался между стеллажами, пытаясь отыскать Чу Вана.

— Что ты здесь делаешь?

Холодный голос раздался прямо за спиной. Чэн Янь, вцепившись в книжную полку, чтобы перевести дух, обернулся.

Юноша стоял у окна. Лучи света, пробиваясь сквозь резные рамы, подсвечивали мириады танцующих в воздухе пылинок. В этом сиянии его черты казались зыбкими и нереальными. Его лицо было прекраснее любого женского лика, но при этом в нём чувствовалась возвышенная строгость. Он был воплощением противоречий, гармонично слившихся в одном человеке.

Чу Ван со свитком в руках направился к нему. В его взгляде читалась нескрываемая враждебность.

— Зачем ты пришёл?

Только когда он подошёл ближе, Чэн Янь заметил, что этот Чу Ван был выше маленького цзюньвана и почти не уступал ему самому в росте.

Отгнав неуместные мысли, Чэн Янь выдохнул:

— Чу... Чу Цзыгуань, ты ещё не поднимался на второй этаж?

Чу Ван нахмурился:

— Откуда тебе известно про второй этаж?

— Я подумал, что такой талант, как ты, наверняка уже перечитал все книги на первом, — брякнул первое пришедшее в голову Чэн Янь. — Послушай, не ходи туда. У меня к тебе крайне важное дело.

Чу Ван презрительно фыркнул:

— Чушь! Познание беспредельно, как можно прочесть всё? Если твоё дело — то же, о чём ты болтал в классе, то нам не о чем говорить.

Чэн Янь лихорадочно закивал:

— Именно! От твоей помощи зависит, останусь ли я в академии, а от моего вознаграждения — не умрёшь ли ты с голоду. Разве это не важно?

— Я никогда не соглашусь, — покачал головой книжник. — Это бесчестно и погубит нас обоих.

Удивительно: этот юноша был полной противоположностью маленькому цзюньвану, и всё же в нём было нечто знакомое, от чего Чэн Яню становилось то неловко, то щемило сердце.

Чу Ван произнёс:

— Уходи. Тебе здесь не место. Скоро вернётся учитель Даоцин.

— Он пошёл за ключами?

Едва Чэн Янь успел спросить, как в дверях показался наставник. Увидев нерадивого ученика в библиотеке, он мгновенно багровел.

— Чэн Янь! Вон отсюда!

Мужчина резко схватил Чу Вана за запястье:

— Учитель Даоцин, мне нужно обсудить с Чу Цзыгуанем одно неотложное дело. Мы не пойдём на второй этаж, в другой раз!

Чу Ван не ожидал такой наглости. На его лице вспыхнула смесь стыда и ярости, он попытался

вырваться:

— Отпусти сейчас же!

Юноша был крепким, и если бы он начал всерьёз сопротивляться, Чэн Янь вряд ли смог бы его удержать. Видя, как его любимый ученик борется с самым ненавистным студентом, учитель Даоцин окончательно помрачнел:

— Чэн Янь!

Чэн Янь понимал, что время уходит. Видя, что Чу Ван вот-вот вырвется, он быстро прошептал ему на ухо:

— Если не пойдёшь со мной, я прямо сейчас расскажу учителю Даоцину о тебе и Мэн Чэньхуэе.

Чу Ван замер, словно поражённый ударом молнии. В его глазах промелькнул неприкрытый ужас, он закусил губу:

— Я не понимаю, о чём ты.

Чэн Янь не упустил эту мимолётную перемену в его лице. На душе у него стало скверно, но он продолжал:

— Что ж, тогда я поговорю с наставником. Посмотрим, поймёт ли он меня.

— Не надо! — вскрикнул Чу Ван. Его дыхание стало частым и прерывистым. Он посмотрел на Чэн Яня взглядом, в котором мешались страх и глубочайшее отвращение.

Он перестал сопротивляться. Немного успокоившись, он повернулся к учителю Даоцину и, вымученно улыбнувшись, произнёс:

— Учитель... мне и впрямь нужно обсудить с Чэн Чанцином одно важное дело. Простите...

Он был бледен как полотно. Даоцин подозрительно переводил взгляд с одного на другого и, наконец, остановился на Чэн Яне:

— Ты угрожаешь Чу Вану?

— Нет! Что вы! Просто я вспомнил об одном очень важном деле, правда... — поспешно заговорил Чу Ван, и в его голосе послышались просительные нотки. Он посмотрел на Чэн Яня,

и было неясно, кого именно он умоляет в этот миг.

Атмосфера между ними была более чем странной, но Даоцин не желал вмешиваться. Он махнул рукой:

— Ладно, иди с ним.

А затем снова сурово взглянул на Чэн Яня:

— Если я узнаю, что ты обижаешь сокурсника, я лично вышвырну тебя из академии!

Камень свалился с души Чэн Яня. Увлекая собеседника к выходу, он весело отозвался:

— Да разве я посмею обидеть лучшего ученика!

Но рука его, сжимавшая запястье Чу Вана, невольно напряглась. Тот, плотно сжав губы, покорно следовал за ним, пока они не покинули стены книгохранилища. Лишь оказавшись снаружи, он с силой оттолкнул руку Чэн Яня и, тяжело дыша, уставился на него враждебным, настороженным взглядом:

— Говори! Что тебе известно?!

<http://bllate.org/book/15870/1440180>